

Резюме

Сергеев І. П. *Чи був період кризи III ст. у Римській імперії «століттям солдатських імператорів»?*

У статті з'ясовується питання щодо ступеня обґрунтування поширеного у спеціальній літературі уявлення про період кризи III століття у Римській імперії як про «століття солдатських імператорів». На думку автора статті, імператори, яких за характером їхнього правління можна називати «солдатськими», склали незначну частку серед досить чисельних правителів Римської імперії періоду кризи III століття, і час їхнього правління займає лише невелику частину цього періоду. Виходячи з цього, автор статті вважає неправомірним називати період кризи «століттям солдатських імператорів».

Summary

Sergeev I. P. *Was the Period of the Crisis of the 3rd Century in the Roman Empire “the Century of Soldier Emperors”?*

The article in question throws light on the problem of a degree of validity of the widespread opinion in the special literature about the crisis of the 3rd century in the Roman Empire as “the Century of Soldier’s Emperors”. The author gives his opinion that the emperors who can be called “soldiers” by their form of government made up an insignificant part among rather numerous rulers of the Roman Empire of the crisis of the 3rd century and the time of their government takes up only a small part of this period of the Roman history. According to the author the name of this period “the Century of Soldier Emperors” is illegitimate on these grounds.

С. Б. Сорочан

О ДАТИРОВКЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХРАМОВОГО АРХИТЕКТУРНОГО КОМПЛЕКСА НА МЕСТЕ АНТИЧНОГО ТЕАТРА ХЕРСОНЕСА

Остается дискуссионным и, значит, открытым вопрос о времени сооружения крестовидного храма № 19 («храма с ковчегом»), воздвигнутого на месте бывшего античного театра, рядом с 15-й куртиной оборонительных стен и храмом, открытым в 1958 г., в непосредственном соседстве на севере и северо-западе, в том же квартале LXXII, с обширным гражданским общественным зданием «Г» и перекрестком «малой агоры». О том, во имя кого он мог быть освящен, никто из исследователей, писавших о храме, похоже, вообще не задумывался. Поэтому есть смысл еще раз вернуться к анализу этих отнюдь не рядовых памятников, которые вставляли перед глазами каждого, входившего в город через Южные, или «Мертвые ворота» (e Nekre auloporta), как они назы-

вались, судя по ориентирам церковно-славянских версий Житий свв. епископов Херсонских [21, с. 460–461, 676–677] (рис. 1).

Для постройки видного сооружения длиной 19,7 м и шириной 18,1 м (по внутреннему обмеру) в ход был пущен камень из разрушенного античного театра, куски античных колонн, камни с рустиком, причем нижние части стен, углы и откосы оказались выложены из крупных, хорошо тесаных камней, блоков, в том числе плит от каменных скамей театрона, внешние стены — из рядов блоков неправильной формы с внутренней забутовкой на прочном известковом растворе, а простенки — из более мелкого бута, местами обитого, но не притесаного и тоже положенного на известь (opus incertum), то есть в технике обычной для раннесредневекового Херсона [1, с. 199, рис. 100–103; 2, с. 541–542]¹. С правой стороны к алтарной части храма № 19 примыкал пастофорий (5,1×3,6 м), вероятно, помещение диаконника или, что не менее вероятно, скевофилаксия, на восточной стороне которого была устроена четырехугольная ниша, а напротив находилось еще меньшее помещение (3,5×3,1 м) с апсидой и водоемом в ней глубиной 0,7 м, вырубленном из цельного массивного блока известняка. Лицевая сторона его была украшена символами вечной жизни, получаемой через крещение: плоским резным изображением креста в арке, символизирующем крест на Голгофе, в обрамлении стилизованных кипарисов или скорее пальмовых ветвей с небольшими крестиками над ними. Во всяком случае, ни у К. К. Косцюшко-Валюжинича, ни у такого авторитетного специалиста, как Н. В. Покровский, одним из первых сообщившего о результатах раскопок 1897 г., не было сомнений, что найдена именно купель, а не водоем для омовения церковных сосудов и рук священнослужителей, и, следовательно, здесь был баптистерий, а не професис [5, с. 322]. К слову, устройство купели в апсиде, указывает на традицию, которая имела сирийское происхождение, тогда как присутствие скевофилаксия связано с константинопольской литургической традицией [6, р. 178–191] и, значит, такое смешение должно иметь свое объяснение.

Крестовидный храм, открытый в 1897 г., имел не купольное, как иногда указывают, а сводчатое покрытие и много окон, на что косвенно указывают необычно многочисленные находки 80 кусков толстых оконных стекол [3, с. 75; 7, л. 15–16]. Поначалу он был окружен оградой —

¹ Согласно обмерам, приведенным Ю. Г. Лосицким, длина восточной ветви креста с апсидой составляла 7,92 м, длина остальных ветвей — 5,94 м, ширина ветвей — 7,92 м, толщина стен — 0,99 м [22, с. 30–31]. На взгляд Д. В. Айналова, «кладка стен в общем напоминает крайне близко устройство их в Уваровской базилике (северная и южная стена и углы притвора) и родственной ей базилики на восточном берегу» [3, с. 73], то есть храмов, как теперь ясно, возникших к концу VI–началу VII вв. Едва ли добротный строительный материал из заброшенного античного театра оставался бы долгое время без востребования, нетронутым. Ведь в раннее средневековье в здешних кварталах давно велось жилое и хозяйственное строительство [см.: 4, с. 36–42].

периволом, при строительстве которой была использована глухая стена амфилемы, окружавшая сзади театрон и оказавшаяся в 2 м к северу от новостройки. Различия в кладке и растворе этого участка ограды показывают, что она пережила не менее трех строительных периодов, то есть поддерживалась очень долгое время, очерчивая небольшую площадь или, вернее, двор вокруг храма [8, л. 6, 10].

Судя по находке под алтарем серебряного ларца — реликвария эпохи Юстиниана I с изображением сирийских свв. Сергия и Вакха и, значит, частицами их мощей, церковь, скорее всего, была посвящена именно этим святым, а сами мощи были доставлены в город из Константинополя, где вскоре после 527 г. рядом с дворцом Гормизды, доставшегося императорской чете, был построен один из известнейших столичных храмов во имя Сергия и Вакха². Отсюда же проистекает определенное смешение архитектурно-литургических традиций Сирии и Константинополя в облике херсонского храма. Подобные случаи «переноса» частиц мощей, «путешествия реликвий» из церкви в церковь, освящения последних во имя тех святых, кому принадлежали обретенные мощи, были достаточно частым явлением, войдя в обиход христиан Римской империи уже со второй половины IV в., и такое распространение этих материализованных подтверждений верности избранного пути получило одобрение теологов всего христианского мира.

О значительности херсонской постройки свидетельствует место для архипастырского кресла в апсиде, устроенное внутри перил из двух блоков известняка в облицованном мрамором, хорошо сохранившемся высоком вместительном синтроне в виде четырехступенчатой каменной скамьи, вырубленной в скале (высота — 1,4 м, глубина — 1,3 м)³. Его размеры указывают на то, что он был рассчитан на значительное число клириков, а это сравнительно ранняя черта [37, с. 30]. Особенно следует отметить также наличие амвона напротив западных дверей, расположенного точно по оси запад–восток (рис. 2). Его остатки в виде двух массивных мраморных блоков с карнизом по краю представляют часть высокого мраморного амвона наиболее распространенного константинопольского типа с двумя лестницами. Эти остатки не сохранились до настоящего времени, отчего особую важность приобретает уникальное описание, сделанное К. К. Косцюшко-Валюжиничем вскоре после их открытия: «С большим трудом были

² Ларец, на дне которого и внутри крышки были выбиты клейма с монограммой Юстиниана I, был обнаружен под мраморными плитами фундамента престола в «гробничке», старательно сложенной из черепиц, положенных в три ряда на извести, и закрытой мраморной плитой, поверх которой находился слой цемянкового раствора («бетона»), служивший основанием для мраморного пола. Завернутый в ислевшую ткань, он стоял на мраморной плитке, горизонтально вделанной в стену «гробнички» [7, л.л. 9–11; о ларце см.: 9].

³ Глубина епископского седалища равнялась двум ступеням синтрона [3, с. 75].

сняты... укрепленные на бетоне две массивные мраморные плиты, каждая 2 аршина 5,5 вершка длины (1,66 м), 1,5 аршина ширины (1,06 м) и 3 вершка толщины (0,13 м), скошенные по длине в виде карниза (см. на плане «Б»). По бокам, то есть по граням карниза и с одной стороны... каждая из плит была гладко отполирована, остальная же часть насечена зубаткой. Судя по центральному положению, какие они занимали в храме и по сохранившимся четырехугольным углублениям для пиронов (на одной — 4 одинарные, а на другой — 8, по две рядом), плиты эти составляли принадлежность амвона древнейшего храма и уцелели на своих местах благодаря значительной тяжести и прочному укреплению... Пространство между плитами в 2 аршина (1,42 м) было покрыто мраморным полом, от которого в остальной части среднего нефа сохранились лишь одни мелкие обломки» [7, л. 7–8; *ср.*: 3, с. 78, рис. 54]. Очевидно, сооружение, с которого звучали проповеди пресвитеров или епископа, а диакон читал отрывки из Евангелия, имело облицовку из мраморных плит, лестницы с двух сторон, может быть, двухмаршевые, учитывая его большую высоту, а также верхний круглый балкон с балюстрадой из невысоких плит. На это указывает центральная часть балкона — мраморная доска, принятая К. К. Косцюшко за престольную, на которой внутри карниза — бордюра был вырезан круг с шестиконечным крестом, составленным из шести «сердечек», расположенными остриями к центру круга [7, л. 13–14]. Подобные изображения креста в виде стилизованной розетки относятся к числу древнейших. Они появились уже в позднеантичную эпоху и ассоциировались у ранних христиан с тайной бессмертия души [10, с. 35–36]. Следует также учесть, что в Херсоне, да и других византийских центрах не известны церковные памятники, возведенные позже VII в., которые имели бы подобное литургическое устройство. Это характерная черта раннехристианской и ранневизантийской культовой архитектуры [*подр. см.*: 11; 12]. Амвоны константинопольского образца были распространены в Вифинии и других районах Малой Азии, Эгеиде, Македонии, Фракии, Нижний Мезии, где они локализируются во временных границах от 500 г. до конца VI в. [13, с. 72–73; *см. там же литературу вопроса*]. Части их конструкций изготавливали в центрах добычи и обработки мрамора на о. Паросе, Фасосе, Синнаде, но наиболее прославленные функционировали на о. Проконнесе. Судя по результатам спектрально-изотопных, физико-химических анализов и идентификации знаков — меток камнерезов, детали херсонских амвонов поступали из этого последнего центра [14, р. 71–80; 13, с. 74, 76]. Вероятно, к отделке амвона и церковного интерьера относились обнаруженные при раскопках в храме и к востоку от него, в соседнем квартале, 11 фрагментов тонких, изящных ранневизантийских резных мраморных панелей для облицовки стен, выполненные в технике «выемчатого» фона, на которых сохранились

изображения св. Герасима из Ликии и служившего ему льва, двух рыб в круге, гранатового и сливового или вишневого дерева с обильными плодами, раскрашенными красной мастикой (стуком)⁴. Разумеется, и реликварий, и мраморные детали, возможно, вторичного использования, могли попасть в храм позже, но вовсе не обязательно, чтобы этот срок превзошел пять-шесть столетий [*ср.*: 4, с. 40; 2, с. 542; 18, с. 74].

В пользу раннего происхождения памятника говорит изучение его стратиграфии. Так, ограда храма прошла над рыбозасолочной цистерной, засыпь которой содержала материал первых веков н. э., если не считать обломка от стеной фрески с остатками надписи христианского содержания [19, л. 15–16]. В другой рыбозасолочной цистерне оказались 94 ножки от стеклянных рюмкообразных сосудов, которые позволяют думать, что цистерна была засыпана не ранее конца VI–начала VII вв. в связи с планировкой участка под предстоящее строительство [19, л. 13]. Северное помещение крещальни и северная часть алтаря были уложены на фундаменты, высеченные в подтесанной и предварительно выровненной материковой скале, а остальные части лежали в траншеях на глубоких фундаментах, впущенных в нивелировочные насыпи с материалом ранневизантийского времени, перекрывавшие оркестру античного театра и соответствовавшие рельефу [3, с. 73]⁵.

Передатировку здания концом XI–XII вв., предложенную О. И. Домбровским, А. Л. Якобсон считал полностью необоснованной, поскольку она строилась лишь на основании относительно поздней поливной керамики, монет Василия I и Псевдо-Романа XI–XIII вв., найденных в насыпи, покрывавшей храм, а также в кладке и под основанием некоторых внутренних стен, явно воздвигнутых позже остальных⁶. Вполне вероятно, что здание к этому времени уже существовало и было лишь восстановлено после пожара, причем восстановлено с существенными перестройками. В ходе их прямо на насыпи устроили без фундаментов некоторые внутренние стенки, заложили три двери и пять окон, так что был оставлен только главный вход с превосходным мраморным порогом, и превратили церковь, как и соседний раннесредневековый однопа-

⁴ Толщина плит составляла 0,02 м, наибольшая высота обломков достигала 0,26 м, а наибольшая ширина — 0,22 м [7, л. 14–15; 15, л. 9–10; 16, с. 36–37, рис. 2; 17, с. 23–24, № 7–8]. К. К. Косцюшко небезосновательно предполагал в них «работы одного и того же мастера».

⁵ Видимо, осознавая, что это противоречит выдвинутой версии о строительстве храма не ранее конца IX в., О. И. Домбровский сделал в отчете категорическое заявление, утрировавшее действительный способ строительства: «Ни в коем случае тут нельзя предполагать, чтобы фундаменты храма могли быть сперва положены наподобие стен в широком открытом котловане, а затем засыпаны» [*см.*: 8, л. 14–16].

⁶ Сам он относил постройку храма ко времени правления Юстиниана I [1, с. 200; 20, с. 155, прим. 78; *подр. см.*: 21, с. 684–689].

сидный однефный храм, открытый в 1958 г., в сплошную усыпальницу с многочисленными могилами [7, л. 5–7]. Тогда же был сильно разрушен пол, выложенный мраморными плитами на слое цемянкового раствора (его остатки уцелели только между блоками амвона)⁷. В одной из могил (№ 11) оказался мраморный брус с вырезанным на нем крестом, к которому штифтами крепился такой же бронзовый votивный крест. Находки еще четырех таких же брусков — столбиков, которые могли быть конструктивными элементами амвона или алтарной преграды, служат доказательством того, что эти архитектурные остатки принадлежали храму до его переделки [7, л. 8]. Следы последней являются две белые полосы отходов строительного раствора около юго-восточной стены храма: нижняя полоса по уровню соответствует первоначальному полу, а вторая полоса — более позднему [8, л. 17]. На то же указывают двойные пороги, сохранившиеся у трех из шести первоначальных дверей храма, высокий уровень порога боковой северо-западной двери в переднем крыле, которая была сделана вместо имевшегося здесь окна [8, л. 17]. Наконец, паперть храма, судя по кладу монет не позднее 945 г., была построена в это время, а точнее, не ранее этого времени [23, л. 5]. Не исключено, что эта переделка совпала с аналогичной, пережитой загородным храмом Богоматери Влахернской после X в.: недаром планировка обоих построек поразительно совпадает. Причем образцом для строителей и в том, и в другом случае мог явиться крестовидный храм № 27, видимо, уже существовавший к тому времени в центре агоры⁸.

Нельзя игнорировать первоначальные, «доперестроечные» архитектурные формы «храма с ковчегом» в виде свободного креста, столь типичные для Малой Азии, Сирии и Палестины VI–VII вв., и то весьма важное обстоятельство, что украшение лицевой стороны водоема крестом между пальмовыми ветвями находит аналогии по стилю изображения на византийских монетах первой половины VII в. [35, с. 68; *ср.*: 34, р. 154–159]⁹. Во всяком случае, «византийский» крест с трапециевидно расширяющимися концами и удлинённой нижней ветвью, повторяющий форму креста, воздвигнутого на Голгофе, постоянно встречается на мраморах V–VI вв. [36, р. 31]. Если постройка кафоликона действительно состоялась к середине VII в., то есть была близка времени

⁷ Во время раскопок было найдено 62 большие напольные плиты, 275 средних и 456 малых [7, л. 13].

⁸ Только крещальня находилась в «храме с ковчегом» не справа от алтарной апсиды, а слева [3, с. 73]. Называть эти боковые помещения капеллами неверно, ибо они не имели алтарей [*ср.*: 18, с. 228].

⁹ По мнению А. Пелина, строительство храма произошло в конце VII–начале VIII вв., что, однако, кажется слишком поздней датой, учитывая находки остатков большого амвона константинопольского типа. Вместе с тем, исследователь тоже отмечает в сооружении слишком явные архитектурно-литургические признаки раннего христианского зодчества [*см.*: 24, с. 134–135].

сооружения большинства самых значительных ранневизантийских христианских храмов города, тогда надо признать, что она появилась вовсе не «во второстепенном месте» [25, с. 168]. Напротив, новый храм весьма удачно заполнил недостаток в подобного типа общественных зданиях в этом регионе города и тем уравновесил окончательно сложившийся к этому времени доминантный каркас архитектурного облика раннесредневекового христианского Херсона, который в последующие два столетия, как и следовало ожидать, гораздо медленнее прирастал новыми сооружениями такого рода. Немыслимо, чтобы в течение шести веков столь выгодно расположенное место вблизи городских ворот, крупных потестарных зданий «римско-византийской эпохи», раскопанных К. К. Косцюшко-Валюжиничем в 1903–1905 гг. в смежных кварталах LXXI и LXXII, то есть рядом со своеобразным «крещатиком» и малой агорой, пустовало. Недаром материал ранневизантийской засыпи обрывается на VI столетии и не содержит следов более поздней нивелировки, которая неминуемо потребовалась бы после ликвидации здесь построек VIII–IX вв., подлежащих сносу перед возведением кафоликона в XI в. «Храм с ковчегом» гораздо раньше стал доминантой южной части городища и вместе с соседним с ним одноапсидным храмом составил новый видный культовый комплекс, уравновешивавший общую архитектурную динамику размещения таких же комплексов на северо-восточной и северо-западной оконечностях городища.

Результаты исследования крестовидных построек позволяют установить зависимость высоты стен до пят сводов ветвей креста от толщины стен церкви, принятой за модуль. Согласно этим наблюдениям получается, что храм № 19 имел внутри наибольшую среди прочих крестовидных сооружений Херсона высоту — 8 м (для сравнения: загородный храм Богоматери Влахернской и храм № 27 под Владимирским собором — не выше 5 м, пристроенные к Западной базилике — 6 м, к Восточной базилике — 4,5 м) [22, с. 27–36]. Это подчеркнутое усиление вертикальной оси объяснимо низменным положением южного участка и необходимостью выделить новый кафоликон из среды окружающей застройки, где до этого доминировали такие сооружения, как однонефный «храм 1958 г.» и комплекс обширного общественного «здания Г». Высокий и крупный, он вписывался в ряд главных сооружений, формировавших силуэт города вдоль водораздела, начиная от Восточной базилики № 36 и видных церквей большой агоры (№ 26–29).

Непонятно, о каком «коренном изменении планировки квартала» в связи с сооружением «храма с ковчегом» писал О. И. Домбровский: здание изначально находилось почти в центре квартала LXXII, на площади, которая долгое время не застраивалась после разрушения некоторых позднеантичных сооружений [26, л. 12]. Его ориентировка не совпадает с ориентировкой окружающих более поздних построек, которые располагались к нему под углом в 15–20°. Но такая же картина наблюда-

ется в отношении позднего окружения базилики Крузе (№ 7), несомненно, существовавшей в «темные века» [ср.: 27, л. 24, 31]. Следовательно, мы имеем дело с еще одним обстоятельством в пользу раннего строительства храма.

Анализ стратиграфии участка античного театра и последовательности строительства на нем позволяет прийти к выводу, что малый «храм 1958 г.» тоже был возведен в близкое время, не позже VII–VIII вв., на месте проскения, скене с подвалом первых веков н. э. и отчасти из их материалов (рис. 3), причем в ходе этого строительства были разрушены и сnivelированы ранние небольшие домишки и соседние рыбозасолочные комплексы из пяти цистерн (№ 36–41), в свою очередь сооруженные не ранее IV в.¹⁰ Театр испокон веков считался местом культа языческого Диониса, и святилище этого весьма почитаемого бога устраивали рядом с театроном или скене. Поэтому немудрено, что после прекращения функционирования театра и окончательного утверждения в городе христианства херсониты со временем устроили христианский храм именно на месте скене, вероятно, учитывая не одно лишь архитектурное удобство, но и идеологический момент. Вытянутое, как и скене, продолговатое здание (7,6×4 м) имело одну ориентированную на восток алтарную полукруглую апсиду диаметром 1,55 м и по своей планировке весьма напоминало ранний загородный храм на восточной оконечности Девичьей горки, открытый в 1902 г. Они также сближаются с аналогичными восточными однонефными церквами VI в. и сирийско-палестинскими мартириями.

Около западного угла «храма 1958 г.» находились остатки дома, существовавшего в VIII в. и погибшего в пожаре не ранее X в. [30, л. 11–13]. Фундамента это здание не имело, и на этом основании авторы отчета о раскопках назвали его «хижиной», отметив, что она была низковата и бедна — «не богаче, чем дом X–XII–XIV вв.». «Убогость их обоих», по мнению исследователей, подтверждает, что заселение «театрального участка» якобы начала беднота и «храм 1958 г.» был «не на первом счету», а затем его окончательно затмил роскошный «храм с ковчегом» [30, л. 15]. Даже если все обстояло так, сооружение обеих церквей могло разделять сравнительно небольшое время. Шурф, заложенный в углу между фундаментом апсиды «храма 1958 г.» и краем уходящего под нее фундамента пилона проскения, вскрыл пифос с остатками соленой рыбы, уголь, черепицу и другие, связанные с жильем, материалы IV–VI вв., а также остатки фундамента какого-то столба, вероятно, от того же жилого дома [31, л. 31, 38]. Засып, подстилающая храм, тоже содержала материал V–

¹⁰ Некоторые тесаные камни кладки по своей обработке и профилировке напоминают блоки театральных скамей. Ряд больших отесанных камней внутри храма у его южной стены являлся продолжением проскения первых веков н. э. [28, л. 13; 29, л. 2–3, рис. 1].

VII вв. [31, л. 59–60] и, значит, время его сооружения близко к поре возведения основных христианских общественных сооружений города. Материал того же времени находился под слоем каменного отеса и известкового раствора толщиной 0,2 м на пространстве между «храмом с ковчегом» и «храмом 1958 г.» [28, л. 9–10, 13, 45–46]. Раскопки в том же месте контрольного целика в 1973 г. показали, что наиболее поздние находки в нем (около 1 %) принадлежали формам краснолаковой керамики типа «позднеримский С» [с.м.: 32, л. 1–12]. Следовательно, орхестра театра была окончательно засыпана и сnivelирована для нового строительства не позже середины VII в. После удаления паперти перед входом в «храм 1958 г.» были сняты два штыка, в которых оказался материал преимущественно VI–VIII вв. [29, л. 33]. К этому же промежутку времени относится обрушение кровли сцене, некоторые архитектурные детали которой были сброшены в подвал под ней, так что в итоге «каменный завал перекрыл руины, сравненные с землей, и театральный участок сделался площадкой, на которой начался средневековый период его застройки» [33, л. 44]. Именно несоответствие ориентации «храма с ковчегом» и «храма 1958 г.» служит аргументом в пользу того, что последний появился раньше первого, но в дальнейшем строители, стесненные в выборе места, не сочли необходимым ориентировать более крупный и пышный храм под него, резонно полагая, что ограда нового храма все равно скроет от взоров это несоответствие.

В XI–XII вв. в связи с поднятием уровня соседней поперечной улицы в постройке сделали новый пол и превратили ее, как и «храм с ковчегом», в типичную квартальную церковь — с кимитирием, устроенным под полом. В его гробницах насчитано около 120 костяков, лежащих в несколько ярусов, следовательно, храм функционировал еще долгое время [4, с. 36–37]¹¹. Он погиб, как и прочие постройки квартала LXXII, в пожаре, очевидно, во время одного из последних крупных неприятельских нападений на город в конце XIV в. А. И. Романчук противоречит себе, когда относит время сооружения храма к X–XI вв. и говорит о его превращении в усыпальницу в это же время «при последующей нивелировке территории» [18, с. 74, 94, 241]¹².

¹¹ Слой, подстилавший плиты пола этого храма и перекрытия могил, представлял собой засыпь с белоглиняной поливной керамикой и плоскодонными высокогорлыми кувшинами с плоскими ручками. Но при разборке обкладки одной из плитовых могил XIII–XIV вв. у северной стены храма выяснилось, что ее дно перекрыло предшествующую могилу с детским захоронением, которая в свою очередь была впущена в слой, датируемый не ранее V в. О. И. Домбровский логично предположил, что время засыпи этого слоя должно быть весьма близко времени возведения «храма 1958 г.», однако верное наблюдение не получило развития [31, л. 37].

¹² Такой же датировки придерживался В. А. Сидоренко, но понять его аргументацию мне не удалось [23, л. 1–6].

Итак, возникновение храмового архитектурного комплекса на месте заброшенного античного театра началось после того, как в V в. здесь были построены кое-какие жилые строения, совершены погребения. Первым, очевидно, появился малый однефный храм, напоминавший сирийско-палестинские мартирии VI в. От занял место развалившейся сцене и ее подвалов, а спустя некоторое непродолжительное время на сnivelированной территории орхестры были заложены глубокие фундаменты большого и высокого храма в форме свободного креста, освященного, скорее всего, во имя сирийских свв. муч. Сергия и Вакха, мощи которых могли быть перенесены из одноименного константинопольского монастырского мартирия VI в. Видный храм — кафоликон, включивший помещение небольшого, на сирийский лад баптистерия и располагавший мраморным амвоном константинопольского типа, был обнесен стеной. Его создание завершило к середине VII в. формирование южной культовой доминанты раннесредневекового Херсона, удачно вписавшись в череду прочих аналогичных мест города. Наличие синтрона с архиерейским сидалищем указывает на то, что службу здесь мог проводить епископ.

Весь комплекс подвергся перестройке не ранее середины X в. или, скорее, позже, когда он принял ярко выраженный гробничный характер и оставался таким до окончательной гибели в конце XIV в.

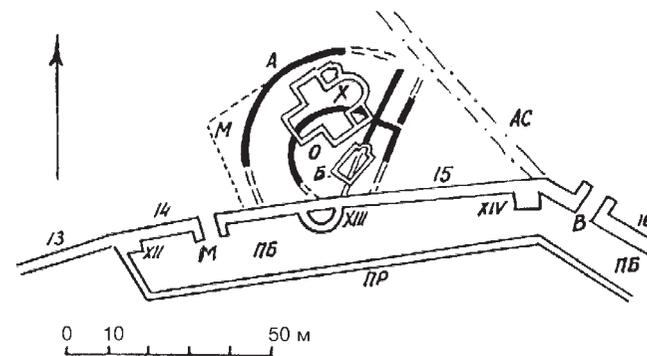

Рис 1. Положение «храма с ковчегом» и «храма 1958 г.» на месте античного театра у южной оборонительной стены Херсона (по ситуационному плану Л. В. Фирсова)

13, 14, 15, 16 — номера куртин средневековой стены; XII, XIII, XIV — номера боевых башен; ПР — протехисма; ПБ — перибол; В — античные ворота; М — южные («Мертвые») ворота; АС — вероятная трасса античной стены (не вскрыта); Х — «храм с ковчегом» (№ 19); Б — храм, открытый в 1958 г.; А — амфилема театра; О — орхестра

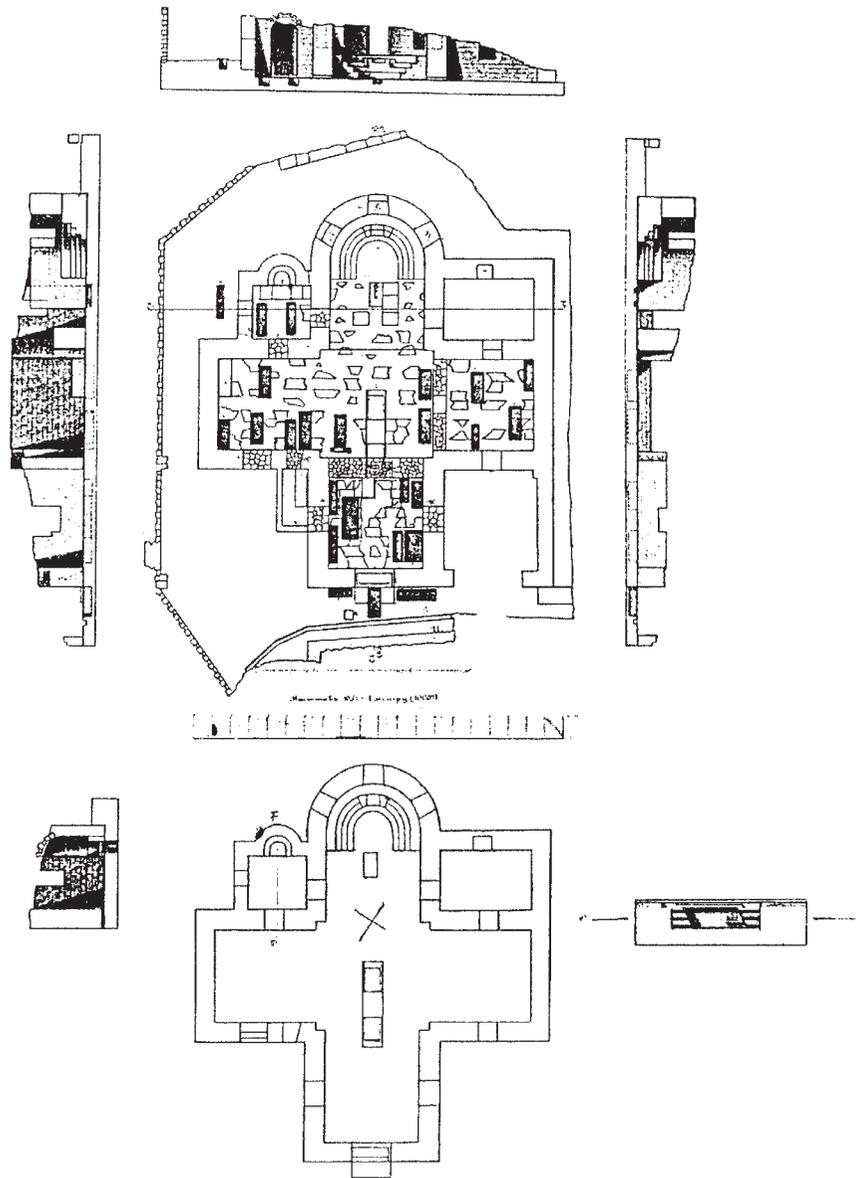

Рис 2. План и разрезы «храма с ковчегом», открытого в 1897 г.
(рис. М. И. Скубетова)

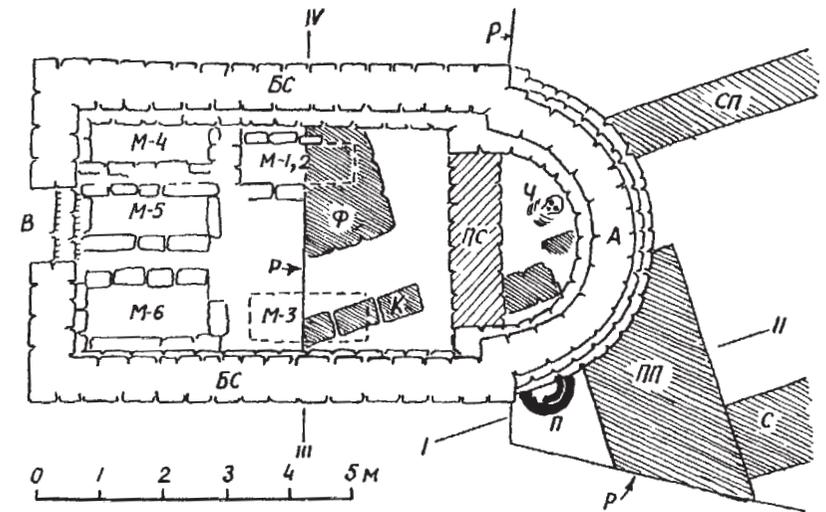

Рис 3. План «храма 1958 г.» (по схеме Л. В. Фирсова)

А — апсида храма; ВС — боковые стены храма; В — вход; М-1-6 — могилы под полом храма; ПС — поперечная кладка (назначение не ясно); К — кладка из тесаных блоков (назначение не ясно); Ч — человеческий костяк ниже фундамента апсиды; Ф — кладка предположительно фимела (жертвенника) на оркестре театра; СП — стилобат проскения театра; ПП — пилон проскения; С — основание сцене; П — пифос под апсидой храма; Р — граница раскопа О. И. Домбровского в 1970 г.; I-II — разрез через место находки пифоса; III-IV — разрез поперек «храма 1958 г.»

Литература

1. *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес // МИА. — 1959. — № 63.
2. *Домбровский О. И.* Средневековый Херсонес // Археология Украинской ССР. — К., 1986. — Т. 3.
3. *Айналов Д. В.* Развалины храмов // Памятники христианского Херсонеса. — М., 1905. — Вып. 1.
4. *Домбровский О. И., Паршина Е. А.* О раннесредневековой застройке территории античного театра // СХМ. — 1960. — Вып. 1.
5. *Отзыв проф. Н. В. Покровского о развалинах храма в Херсонесе* // Археологические известия и заметки, издаваемые Императорским Московским археологическим обществом. — М., 1897. — Т. 5.
6. *Taft R. F.* The Great Entrance. A History of the Transfer of Gifts and other Preanaphoral Rites of the Liturgy of St. John Chrysostom. 2nd ed. — Roma, 1978.
7. *Отчет за 1897 год* // Архив НЗХТ. — Д. № 6.

8. *Домбровский О. И.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1954 г. на участке «храма с ковчегом»//Архив НЗХТ. — Д. № 702.
9. *Банк А. В.* Византийское искусство в собраниях Советского Союза. — М.; Л., 1966.
10. *Юрочкин В. Ю.* Древнейшие изображения креста Господня//Православные древности Таврики. — К., 2002.
11. *Jakobs P. H. F.* Die frühchristliche Ambone Griechenlands. — Bonn, 1987.
12. *Чанева-Дечевска Н.* Ранно-християнската архитектура в България IV–VI вв. — София, 1999.
13. *Бернацки А. Б.* Амвоны в интерьере раннехристианских базилик Западного и Северного Причерноморья//Церковная археология Южной Руси. — Симферополь, 2002.
14. *Biernacki A. B.* Remarks on Early Christian Architectural Details made of Proconnesian Marble and Found in Novae (Moesia Inferior)//Late Roman and Early Byzantine Cities on the Lower Danube from the 4th to the 6th Century A. D. — Poznan, 1997.
15. *Отчет за 1904 год*//Архив НЗХТ. — Д. № 13.
16. *Залеская В. Н.* О сюжетах двух херсонесских рельефов с «выемчатым» фоном//СГЭ. — 1976. — Вып. 41.
17. *Византийский Херсон.* Каталог выставки/Отв. ред. И. С. Чичуров. — М., 1991.
18. *Романчук А. И.* Очерки истории и археологии византийского Херсона. — Екатеринбург, 2000.
19. *Отчет за 1903 год*//Архив НЗХТ. — Д. № 12.
20. *Якобсон А. Л.* Средневековый Крым. — М.; Л., 1964.
21. *Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В.* Жизнь и гибель Херсонеса. — Харьков, 2000.
22. *Лосицкий Ю. Г.* Опыт реконструкции крестообразных храмов Херсонеса//Архитектурно-археологические исследования в Крыму. — К., 1988.
23. *Сидоренко В. А.* Раскопки улицы между «домом 1970 г.» и «храмом 1958 г.»//Отчет о раскопках на участке античного театра в Херсонесе в 1973–1974 годах/Архив НЗХТ. — Д. № 1682/1.
24. *Протоиерей Александр Пелин.* Топография христианского Херсонеса IV–XIV века: Дисс. ... канд. богословия/Московская Духовная академия. — Сергиев Посад, 2001.
25. *Лосицкий Ю. Г.* О доминантном каркасе застройки средневекового Херсонеса//Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Материалы науч. конф. — К.; Судак, 2002.
26. *Домбровский О. И.* Отчет о раскопках на участке античного театра в Херсонесе за 1957 год//Архив НЗХТ. — Д. № 3241.

27. *Фирсов Л. В.* Ориентировка средневековых храмов Херсонеса Таврического. 1973 г.//Архив НЗХТ. — Д. № 868.
28. *Отчет о раскопках на участке античного театра в Херсонесе в 1971 г.* //Архив НЗХТ. — Д. № 1505/1.
29. *Домбровский О. И., Махнева О. А., Паршина Е. А., Сидоренко В. А.* Отчет о работе Херсонесского отряда Крымской комплексной экспедиции в 1975 году//Архив НЗХТ. — Д. № 1886/1.
30. *Отчет о раскопках на территории Херсонесского античного театра в 1990 году*//Архив НЗХТ. — Д. № 3246.
31. *Отчет о раскопках в Херсонесе на участке античного театра и храма с ковчегом в 1970 году*//Архив НЗХТ. — Д. № 1411/1.
32. *Орлов К. К.* Раскопки между «храмом 1958 г.» и «храмом 1897 г.»//Отчет о раскопках на участке античного театра в Херсонесе в 1973–1974 годах/Архив НЗХТ. — Д. № 1682/1.
33. *Отчет об археологических исследованиях «театрального участка» Херсонеса в 1989 году*//Архив НЗХТ. — Д. № 2933/1.
34. *Grabar A.* Martyrium. Recherches sur le culte des reliques et l'art chretien antique. — Paris, 1946. — Vol. 1.
35. Бертье-Делегард А. Л. О Херсонесе//ИАК. — 1907. — Вып. 21.
36. *Grabar A.* Sculptures bysantines de Constantinople (IV–X siecles). — Paris, 1963.
37. *Ousterhout R.* Master Builders of Byzantium. — Princeton, N. J., 1999.

Резюме

Сорочан С. Б. Про датування і інтерпретацію храмового архітектурного комплексу на місці античного театру Херсонеса

Ділянка на місці античного театру у візантійському Херсоні мала вигляд храмового комплексу в оточенні житлового кварталу. Комплекс розташовувався поруч з південними міськими воротами, малою агорою і великим суспільним «будинком Г». Першим тут виникає «храм 1958 року», а слідом до середини VII сторіччя будується хрестоподібний храм № 19. Його відмінними рисами стало сполучення сірійської і константинопольської архітектурної традиції, зокрема, наявність мармурового амвона константинопольського типу. Срібна скринька (ковчег) із зображенням сірійських святих Сергія і Вакха був зроблений у Константинополі, а сам храм, ймовірно, мав їхнє ім'я. Після перебування в X–XI сторіччі обидва храми були перетворені на церкви-усипальниці. Храми згоріли наприкінці XIV сторіччя разом із кварталом LXXII.

Summary

Sorochan S. B. *On Dating and Interpretation of the Architectural Temple Complex in the Place of Antique Theatre of Chersonese.*

The plot in the place of the antique theatre in Byzantine Kherson looked like a temple complex surrounded by the residential quarter. It was placed near the southern town gates, small agora and large public “G-building”. First of all the “temple of 1958” appeared here and then toward the middle of the 7-th century a crosslike temple No.19 has been built. The combination of Syrian and Constantinopolitan architectural traditions, in particular, the availability of marble ambo of Constantinopolitan type became its distinctive features. A silver casket (shrine) with the images of Sergiy and Bacchus, Syrian saints, was made in Constantinople, and the temple probably was named after them. After the rebuilding in 10-th–11-th centuries both temples were changed in burial churches. The temples have burned down at the end of the 14-th century together with the quarter LXXII.

**НОВА ТА
НОВІТНЯ ІСТОРІЯ**